

Хосроу Шахани

Обо всем и ни о чем

Иранская мозаика

Хосроу Шахани

Обо всем и ни о чем (сборник)

«Садра»

УДК 821.222.1-32
ББК 84(5Ирн)-7

Шахани Х.

Обо всем и ни о чем (сборник) / Х. Шахани — «Садра»,
— (Иранская мозаика)

<p id="_GoBack">Хосроу Шахани – известный иранский писатель XX века, перу которого принадлежат лучшие образцы иранских сатирических произведений. Для предлагаемого сборника отобраны наиболее популярные рассказы автора, живо и остроумно повествующие о проблемах повседневной жизни шахского Ирана. Для широкого круга читателей.

УДК 821.222.1-32
ББК 84(5Ирн)-7

© Шахани Х.
© Садра

Содержание

О серии	6
От издательства	7
Жертвы наводнения	8
Врачи нашего квартала	13
Злоключения Боруджали	16
Вандал	20
Казенный мусор	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Хосроу Шахани
Обо всем и ни о чем

© ООО «Садра», 2015

О серии

Иран. Одна из самых загадочных стран земного шара... Какие ассоциации вызывает это название у среднестатистического россиянина? «Иран? Что-то закрытое, за семью замками и, кажется, страшное. Бесправные женщины, фундаменталисты, ядерная программа...» – «Да нет же, Иран, Персия...» – «Ах, Персия... да... ковры, шахские гаремы, сокровища Али-Бабы...»

К сожалению, подавляющее число наших соотечественников черпают информацию об Исламской Республике Иран исключительно из средств массовой информации.

Между тем, вопреки расхожим стереотипам, Иран – это современная, цивилизованная страна с высочайшим уровнем науки и культуры. Страна, подарившая миру величайших поэтов: Омара Хайяма, Хафиза, Фирдоуси, Саади. Страна, запускающая в космос спутники и владеющая нанотехнологиями и мирным атомом. Страна, где женщины пользуются всеми конституционными правами и занимают видные руководящие посты в правительстве и бизнесе. И без преувеличения можно сказать, что мудрые и жизнелюбивые иранцы – самый гостеприимный народ на свете!

Пора бы уже подобрать ключи к «семи замкам» таинственности и недомолвок и распахнуть нет ничего лучше, чем взглянуть на неё изнутри. И в этом, несомненно, первостепенную роль играет художественная литература.

Сейчас у русскоязычных читателей появляется прекрасная возможность окунуться в завораживающий мир иранской действительности.

Издательство «Садра» представляет серию книг «Иранская мозаика». Данная серия будет включать романы современных иранских авторов на самые разные темы: здесь найдутся и бытовые зарисовки, и юмористические рассказы, и политическая сатира, и, конечно же, повествования о любви. Каждая из этих книг подобна яркому, красочному изразцу, украшающему купола роскошных старинных мечетей, а все вместе они, подобно кусочкам мозаики, составляют огромное разноцветное полотно динамичной, многогранной жизни иранского общества. Прочитайте их, проникнитесь духом этой прекрасной, древней и вечно юной страны. А потом приезжайте в Иран – и вы увидите, что действительность превзойдёт ваши самые радужные ожидания!

Счастливого пути, друзья!

От издательства

Жанр короткого повествования является для Ирана традиционным. В персидской классической литературе хорошо известны короткие занимательные рассказы о мудром хитреце Ходже Насреддине и пересказы индийских и арабских сказок, из которых наиболее популярна сказочная серия «Калила и Димна»; знамениты также авторские сборники – такие как «Голестан» великого Саади. Однако сатирические произведения в современном их понимании появились в иранской литературе недавно, всего лишь в начале XX века. И одним из ярчайших представителей этого жанра по праву считается Хосроу Шахани – известнейший иранский сатирик, писатель и журналист, перу которого принадлежит огромное количество рассказов, остроумно повествующих о проблемах повседневного быта шахского Ирана.

Биография мастера, как и его рассказы, проста и незатейлива. Вот как рассказывает о себе сам Шахани: «Родился первого января 1929 года в Нишапуре (вам наверняка приходилось видеть, как в разных странах мира, особенно христианских, этот день отмечается очень пышно, так вот, бóльшая их часть празднует день рождения вашего покорного слуги). Потерял отца ребенком, мать – уже взрослым. Профессиональную деятельность начал в 1955 году с работы в газете «Хорасан» города Мешхед. Проработал там три года. Эта была ежедневная утренняя газета, выходящая шесть раз в неделю. Там я писал короткие сатирические рассказы. Кроме того, вел две колонки: «Шутки и смех», где не было ничего смешного, и «Поэзия и проза».

Столь же прост и легок для понимания литературный стиль писателя. У Шахани своя особенная манера изложения. Он пишет удивительно доступным, почти разговорным языком, при этом, однако, не нарушая ни одной литературной нормы. Темы рассказов Шахани всегда взяты из жизни, но развитие сюжета порой утрировано и даже сознательно доведено до нелепости – и все же в этой манере нет ничего противоестественного. Автор остроумно и ненавязчиво указывает нам на ту грань, на которой все мы балансируем и, сделав лишь один неосторожный шаг, рискуем скатиться в пучину абсурда – и читателю этот намек понятен с полуслова.

Итак, предлагаем вам, дорогие друзья, перелистнуть страницу и окунуться в искрометный, феерический мир Хосроу Шахани. Уверены, вы получите большое удовольствие – и, бесспорно, сделаете для себя кое-какие полезные выводы!

Жертвы наводнения

Зима в этом году выдалась суровой, и, как водится, тяжелее всех пришлось беднякам.

В месяце бахман¹ – какого числа, сейчас уже не скажу точно – разразился сильнейший ливень, а вслед за ним на город обрушилось страшное наводнение. Из четырех тысяч домов около двухсот, главным образом в бедняцких кварталах, было разрушено или повреждено, около трех тысяч жителей осталось без крова, пятнадцать или двадцать человек погибло и пропало без вести.

Прослышав об этом трагическом событии, в город хлынуло множество специальных корреспондентов столичных газет, чтобы по горячим следам передать в Тегеран сводки и репортажи о случившемся бедствии. Но появившиеся в газетах сообщения резко расходились с известными фактами. По словам газет, в городе было разрушено по меньшей мере две тысячи зданий, без крыши над головой осталось тридцать-сорок тысяч человек, а утонули и пропали без вести чуть ли не сто пятьдесят и даже двести человек!

Разумеется, отцы города – составители официальных сводок – были умнее и опытнее нас. И ни у кого не возникало никаких сомнений в том, что их данные были основаны на всестороннем и самом тщательном изучении последствий катастрофы.

На следующий день после наводнения босой и оборванный люд, лишившийся жилья и средств к существованию, собрался возле здания губернаторства, взывая о помощи. Что же еще оставалось делать несчастным? Ведь единственными нашими защитниками были господин губернатор, господин председатель муниципалитета и его заместители.

Да благословит Аллах господина губернатора: как только он узнал, что пострадавшие собрались и ждут его выхода, он тут же распорядился поставить перед главными воротами стол, на стол – табурет и со скорбным видом и траурной повязкой на рукаве поднялся на этот табурет. По обе стороны от него встали господин председатель муниципалитета и господина заместители, которые тоже нацепили черные повязки в знак общего траура, объявленного в городе.

Руководители различных ведомств – почты, финансов, водоснабжения, просвещения – в качестве сочувствующих встали позади председателя муниципалитета и его заместителей. Но так как им, видимо, не хватило черных повязок, они, чтобы хоть как-нибудь выразить сочувствие пострадавшим, пристегнули к своим белоснежным рубашкам черные бабочки.

Господин губернатор отвесил поклон, и это вызвало взрыв аплодисментов со стороны благодарных жителей. Ведь в тот день мы впервые увидели, как наш губернатор кланялся. Понятно, что ответом на такой знак расположения и внимания должны были быть именно бурные аплодисменты.

Прежде чем начать речь, господин губернатор вынул платок из кармана забрызганных грязью брюк и, тихонько всхлипывая, стал утирать им слезы. Ну а уж коли сам губернатор плакал, что же оставалось делать нам? Конечно, и мы заревели! Со всех сторон послышались вопли и стенания.

– ...Мои братья... и... сестры, – с трудом выговаривая слова сквозь душившие его рыдания, произнес губернатор, – я потрясен несчастьем, обрушившимся на вас... моих дорогих... мужественных... отважных... все... выносящих... соотечественников...

Стоявший рядом с ним председатель муниципалитета, толкнув его в бок, прошептал: «И про нас скажи... Ну... что мы тоже потрясены!»

– И не только я, – продолжал губернатор, – но и господина председатель муниципалитета и его уважаемые заместители тоже потрясены до глубины души.

¹ Бахман — одиннадцатый месяц в иранском календаре (приходится на 21 января – 19 февраля).

В это время начальник отдела народного образования, стоявший за спиной председателя муниципалитета, тоже толкнул губернатора и прошептал: «Скажи, что и мы потрясены... Смотри, как мы все расстроены!»

Всхлипывая, губернатор продолжал:

– Не только я и господин председатель муниципалитета и его заместители огорчены происшедшим... Господа начальники отделов народного образования, финансов, земледелия и... и... и... тоже потрясены. (Господин губернатор был очень чувствительный человек.)

– Я всю ночь не спал, – продолжал губернатор, – осматривал пострадавшие кварталы города. (Конечно, если бы господин губернатор спал, то, безусловно, наводнением разрушило бы гораздо больше домов.) Вот смотрите!

Он приподнял ногу и, вытянув ее в сторону толпы, показал приставшие к брюкам комки грязи. В ответ раздался взрыв аплодисментов. (У нас в городе народ вежливый, а поскольку господин губернатор впервые показывал нам свою ногу, мы не могли не отреагировать на это соответствующим образом.)

– И не только я, – продолжал губернатор, – но и остальные уважаемые начальники учреждений тоже до утра не сомкнули глаз... (Чувствовалось, что господина губернатора вовремя подтолкнули.) По самым последним уточненным данным, вчерашним наводнением разрушено около четырех тысяч домов, тридцать или сорок тысяч человек остались без крова, и примерно триста человек погибли под обломками и были унесены водой!

Всхлипывания господина губернатора, которым вторили подвывания его коллег, причитания и вопли пострадавших, создавали невообразимый шум.

– Мы клятвенно заверяем вас, – закончил свою речь господин губернатор, – что в течение месяца выстроим вам дома, гораздо лучше тех, которые были у вас раньше. Сегодня же на самолетах к нам прибудет помощь, и каждый пострадавший получит необходимые вещи и продукты.

Краткая, но весьма обнадеживающая речь господина губернатора была закончена, и мы, вознося за него молитву, стали расходиться, дрожа от холода. По пути мы с восторгом и благодарностью обсуждали удивительную речь губернатора. Озадачивали только ошеломляющие цифры погибших и оставшихся без крова людей. Ведь население нашего города никогда не достигало сорока тысяч. Так что вряд ли сорок тысяч человек осталось без крыши над головой... И никогда в нашем городе не было столько домов, чтобы считать разрушенными три-четыре тысячи...

Но цифры эти были произнесены самим господином губернатором, а он, как известно, цифры с потолка не берет.

Во второй половине того же дня самолеты, нагруженные сахаром, чаем, рисом, одеялами, мукой, пшеницей, палатками, подобно стаям аистов, начали приземляться в нашем городе. Склады при губернаторстве и муниципалитете были переполнены. А поскольку продукты и теплые вещи нельзя оставлять на улице, одну половину присланного переправили в кладовые господина губернатора, а вторую – в кладовые председателя муниципалитета и его заместителей. Что ни говори, так было надежнее и сохраннее.

На следующий день были получены центральные газеты и журналы. Первые полосы пестрели фотографиями и сообщениями о происшедшей в нашем городе трагедии. Оказывается, дело обстояло гораздо серьезнее, чем мы предполагали, и наводнение было намного страшнее, чем нам казалось. (По данным газет, в нашем городе было разрушено уже шесть-семь тысяч домов и погибло семьсот – восемьсот человек!) А поскольку газеты никогда не врут, значит, действительно так и было!

Как только солнце зашло за горы, ударил мороз. Бездомные и голодные, мы пристроились на мокрых и скользких крышах бань и пекарен, тряслись, как собаки, и жались друг к другу, пытаясь хоть немного согреться. Будучи вежливыми и дисциплинированными людьми,

мы понимали, что присланные из центра одеяла должны быть розданы торжественно, организованным порядком. Это же не шутка! И когда наиболее ретивые из нас решили пойти к губернатору и попросить одеял, остальные стали горячо отговаривать их, доказывая, что в любом деле требуется порядок и выдержка.

В ту же ночь иностранные радиостанции в своих передачах довели число разрушенных в нашем городе домов до десяти – двенадцати тысяч, число бездомных подскочило уже до ста двадцати – ста тридцати тысяч, а погибших – до трех-четырёх тысяч человек!

Ну и ну!.. До наводнения мы и не предполагали, в каком огромном городе живем. Посудите сами: в городе, где разрушено двенадцать тысяч домов, где наводнение унесло три-четыре тысячи человек, по крайней мере должно было быть тридцать – сорок тысяч домов и четыреста – пятьсот тысяч душ населения! И хотя по прошлогодней переписи мы знали, что в нашем городе насчитывается всего около четырех тысяч человек, нам ничего не оставалось, как принять на веру все эти сообщения. Ведь эти данные передавало радио! А оно никогда не ошибается и никогда не врет! Видимо, у радиокорреспондентов сведения намного точнее наших, и мы сами виноваты в том, что до сих пор не знали, в каком огромном городе обитаем.

Вслед за сообщениями иностранных агентств в наш городок потекла иностранная помощь. Красный Крест Венесуэлы пожертвовал пятьдесят тысяч тонн пшеницы и четыре тысячи одеял верблюжьей шерсти; Красный Крест Норвегии – сорок тысяч тонн сахарного песка, двенадцать тысяч одеял и пятнадцать тысяч банок сгущенного молока; Красный Крест Гватемалы – пятьсот тысяч туманов наличными деньгами, двенадцать тысяч тонн муки и пятьсот палаток; Общество английских нудистов – тысячу двести палаток, двести пятьдесят палаток, пятьсот мешков сахару; Международное общество покровительства животным – миллион долларов наличными, десять тысяч тонн муки высшего качества и восемь тысяч пледов, большое количество мужской и женской одежды, обуви, шляп и т. д. и т. п.

Но ведь в нашем городе было разрушено двенадцать тысяч домов, осталось без крова сто двадцать тысяч человек и три-четыре тысячи погибло! Шутка ли сказать? Разве эта помощь могла удовлетворить всех?

Склады и кладовые господина губернатора, председателя муниципалитета и его заместителей были уже переполнены. Где же еще можно разместить продукты и вещи? Понятно, что самым надежным хранилищем были амбары руководителей отделов финансов, народного образования, земледелия и юстиции.

Да благословит Аллах этих людей! Без них вся помощь пропала бы зря. Ведь нам, жертвам наводнения, негде было бы хранить все это добро!

Первая после наводнения ночь с горем пополам прошла. На следующий день рано утром дрожащий, как в лихорадке, народ опять собрался перед зданием губернаторства. Снова принесли стол и поставили его перед воротами. Но на этот раз обошлись без табурета. А поскольку господин губернатор заседал в комиссии по оказанию помощи жертвам наводнения, то поговорить с пострадавшими было поручено господину председателю муниципалитета.

Председатель муниципалитета взобрался на стол. Он был намного веселее, чем вчера. Да благословит его Аллах, какое самообладание! Ведь душа его обливалась кровью от жалости к нам, но, чтобы вселить в нас бодрость и уверенность в будущем, ему приходилось улыбаться! Ну и мы, естественно, приободрились.

Председатель муниципалитета извинился за то, что господин губернатор не смог выйти к нам лично. Дело в том, объяснил он, что господин губернатор всю ночь был занят подсчетом нанесенного нашему городу ущерба. Вопрос о раздаче одеял и продуктов жертвам наводнения вскоре будет решен. Надо только набраться терпения и, главное, сохранять спокойствие и порядок. На этом он и закончил свою короткую речь.

В эту ночь несколько человек погибло – задохнулись от холода бедняги.

На следующий день, поскольку господин губернатор и председатель муниципалитета были заняты делами комиссии, перед собравшимися выступил начальник канцелярии муниципалитета – маленький щуплый мужчина. (Ни стола, ни табурета на этот раз не было и в помине.)

Начальник канцелярии тоже пообещал, что вскоре комиссия закончит свою работу, и тогда дорогим согражданам будет оказана необходимая помощь.

Народ опять разошелся, а на следующий день снова собрался перед зданием губернаторства. На этот раз перед нашими взорами предстал главный дворник муниципалитета.

– Ваше присутствие здесь, – сказал он, – мешает нормальной работе господ членов комиссии; господин председатель муниципалитета приказали своему заместителю, который, в свою очередь, приказали начальнику отдела, а начальник отдела приказал мне сказать вам, что не следует проявлять такого нетерпения. Когда наступит время, соответствующая помощь будет вам оказана.

И мы снова ушли ни с чем. Жители нашего города очень доверчивы, простодушны и благонадежны.

Прошло десять дней, и, кроме двухсот – трехсот одеял, каждое из которых было выдано на десять – двенадцать человек, пострадавшие никакой помощи не получили.

Наконец в одно прекрасное утро наше терпение лопнуло, и мы вновь выстроились перед зданием губернаторства, требуя самого господина губернатора.

После долгих препирательств он показался наконец в сопровождении небольшой свиты. На этот раз на его рукаве никакой черной повязки не было, чему мы очень обрадовались, – значит, все в порядке и траур кончился.

Народ встретил губернатора аплодисментами и криками «ура!». Когда восторги приутихли, господин губернатор взошел на ступеньки и, обратившись к толпе, спросил:

– Чего это вы здесь собрались?

– Вы знаете, господин губернатор, – начали наиболее смелые, стоявшие в первых рядах, – что наводнение оставило нас без крова. Мы пришли, чтобы получить обещанную нам помощь.

Господин губернатор почесал свою красную мясистую шею и удивленно произнес:

– А разве до сих пор вы не получили помощи?

– Нет, кроме одеял – одно на десятерых, – ничего не получили...

Господин губернатор побагровел от гнева и вдруг завопил диким голосом:

– Сволочи! Сколько же, по вашему мнению, мы должны были выдать вам одеял?! Постыдились бы, бессовестные вымогатели! Мерзавцы!

И Абдолкадер, начальник городской управы, с помощью нескольких десятков здоровенных дворников разогнал народ. Тех, кто пытался оказать малейшее сопротивление, скрутили и, обвинив в нарушении общественного порядка, выслали в отдаленные районы.

На следующий день выглянуло солнце, стало теплее, и страсти поутихли. Страшась закрученных усов Абдолкадера и палок его подручных, никто не смел даже проходить перед зданием губернаторства.

А еще через несколько дней в центральной прессе мы прочитали, что многочисленные благотворительные общества и различные организации почти всего земного шара оказали значительную помощь жертвам наводнения нашего города. Что каждому пострадавшему было выдано по брезентовой палатке, по четыре одеяла из верблюжьей шерсти, по пять мешков муки двойного помола, по сто килограммов сахара и от пятидесяти до ста тысяч риалов наличными. Кроме того, комиссией по оказанию помощи жертвам наводнения был разработан проект строительства шести тысяч двухэтажных пятикомнатных квартир с холлами, ванными и всеми удобствами. И, наконец, уже через пятнадцать дней после наводнения благодаря усилиям и стараниям членов указанной комиссии во главе с господином губернатором две тысячи таких квартир построены и на будущей неделе будут торжественно переданы населению. Стро-

ительство остальных четырех тысяч квартир идет быстрыми темпами и в ближайшее время также будет завершено.

... Жертвы наводнения в своих многочисленных телеграммах искренне благодарят господ руководителей учреждений и членов комиссии за безупречную организацию помощи и чуткое отношение...

Врачи нашего квартала

Старожилы хорошо помнят, что много лет подряд на одном из домов нашего квартала висела небольшая вывеска: «Кабинет доктора Хабиба. Прием с 9 до 12 и с 18 до 20 часов».

Доктор Хабиб был единственным врачом на весь район, и неудивительно, что все окрестные обитатели независимо от возраста, пола, общественного положения и характера заболевания обращались только к нему. Доктор каждому выписывал рецепт, и если больному суждено было жить, он выздоравливал, а если нет – умирал. Словом, доктор Хабиб был хорошим, добрым и чутким врачом, и жители нашего квартала не желали для себя ничего лучшего.

Но однажды утром, идя на работу мимо дома доктора Хабиба, я увидел напротив вывеску: «Кабинет доктора Махбуба. Терапевт. Прием с 8 до 12 и с 17 до 21 часа».

Ого! Значит, в нашем квартале теперь будет два врача. Что же, государственная программа улучшения охраны здоровья населения претворяется в жизнь. Это очень приятно!

На другое утро я увидел, что доктор Хабиб заменил прежнюю вывеску чуть большей. Она гласила: «Кабинет доктора Хабиба. Терапевт, дерматолог и специалист по инфекционным болезням. Прием с 8 до 12 и с 17 до 21 часа».

Я поскреб в затылке и пошел себе дальше.

Назавтра обнаружилось, что и вывеска нового врача претерпела изменения. На ней теперь стояло: «Доктор Махбуб. Терапевт, дерматолог, специалист по инфекционным болезням, отоларинголог».

Ну и ну!.. Какие, оказывается, опытные и разносторонние специалисты практикуют в нашем квартале!

Через день вывеска нашего старого врача стала еще обширнее. Мы узнали, что доктор Хабиб еще и отоларинголог, окулист, кардиолог, невропатолог, хирург, венеролог.

Однако и доктор Махбуб не спасовал. Теперь его кабинет украшало огромное табло размером три на четыре метра, на котором каллиграфически было выведено: «Доктор Махбуб. Терапевт, дерматолог, специалист по инфекционным болезням, отоларинголог, невропатолог, хирург, специалист по излечению гонореи и сифилиса».

Но доктор Хабиб не сдавался. На следующий день его вывеска была на целый метр длиннее табло доктора Махбуба, и к написанному ранее прибавилось: «Радикальное излечение гонореи, острого и хронического сифилиса. Обрезание мальчиков по американскому методу. Прием с 7 до 13 и с 16 до 22 часов».

Разумеется, доктор Махбуб не остался в долгу, и вскоре на дверях его кабинета можно было прочитать, что он сверх всего прочего выпускник Гарвардского университета (США), ассистент знаменитого хирурга Враттона и помощник главного врача поликлиники при Пенсильванском университете.

Доктор Хабиб нанес ответный удар. Он вывесил щит размером шесть на четыре метра, и мы узнали, что доктор – «выпускник Кембриджского университета, сотрудник известного английского профессора Эдварда и помощник главного врача клиники при Сорбонне (Париж). Прием ежедневно с 6 до 14 и с 15 до 23 часов».

Как нарочно, в эти самые дни я сильно простудился. Похоже было на воспаление легких, и следовало обратиться к врачу. Но к которому из двух?

Посоветовавшись с родными и друзьями, я решил довериться новому доктору.

Рано утром, еле передвигая ноги, я доплелся до кабинета доктора Махбуба. Мне, несчастному, и в голову не приходило, что доктор Хабиб, притаившись за занавеской, следит за каждым моим шагом.

После осмотра доктор Махбуб выписал мне рецепт. Уплатив ему два тумана, я отправился домой. (Следует заметить, что, до того как доктор Махбуб открыл кабинет в нашем квар-

тале, визит к доктору Хабибу стоил пять туманов. Но по мере увеличения размера вывесок стоимость визитов к обоим врачам постепенно падала, пока наконец не был установлен общий тариф – два тумана.)

Едва я вышел от доктора Махбуба, как передо мной словно из-под земли вырос доктор Хабиб.

– Что, прихворнули? – спросил он елейным голосом.

– Да так, немножко нездоровится, господин доктор, – смущенно залепетал я.

Доктор ловким движением выдернул из моего кулака рецепт, с саркастической усмешкой взглянул на него, разорвал в клочки и швырнул в канаву. Затем схватил меня за руку и с силой потащил к своим дверям. Я обреченно последовал за ним.

– Почему никто не скажет этому коновалу, что воспаление легких не лечат микстурой от кашля?! – прорычал он и, набросав новый рецепт, протянул его мне. – На, возьми! За визит можешь ничего не платить! Примешь это лекарство и если через сутки не почувствуешь себя здоровым, я снимаю вывеску! Всё!

Я взял рецепт, попрощался с доктором Хабибом и стал спускаться по лестнице. Но не успел я переступить порог его дома, как заметил на противоположной стороне улицы доктора Махбуба, явно поджидавшего меня. В мгновение ока он очутился рядом, и не успел я опомниться, как рецепт доктора Хабиба был у него в руках.

– Так... А куда же девался мой рецепт? Как это прикажете понимать?

– К...к...клянусь Ал...л...лахом, ваш рецепт здесь, в другом кармане, – дрожа от страха, пробормотал я. – Я это... это рецепт для нашей прислуги, которая страдает язвой двенадцатиперстной кишки!

– Не ври, несчастный! – завопил он и потащил меня в свой кабинет. Там он вручил мне новый рецепт и вернул те два тумана, которые я заплатил ему за визит.

На улице меня уже встречал доктор Хабиб.

– Я не допущу, чтобы так нахально переманивали моих клиентов! – крикнул он. – Этот болван не представляет, наверное, с кем имеет дело! Пойдем за мной!

Сопrotивляться было бессмысленно. Я еле дышал, жар, ломота в костях, испуг и беготня по лестницам совсем доконали меня. Молниеносно выписав еще один рецепт, Хабиб протянул его мне... вместе с десятью туманами.

– Вот тебе деньги на лекарство!

Взяв рецепт и десять туманов, я, шатаясь от слабости, спустился вниз, но – о ужас! – выйдя из дверей, нос к носу столкнулся с доктором Махбубом. Прежде чем он успел накинуться на меня, я протянул ему рецепт:

– На, бери и рви в клочья! Но учти, что меньше чем на двенадцать туманов я не согласен! Доктор Хабиб дал мне десять!

– Я не позволю дурачить своих пациентов! – прошипел доктор Махбуб. – Я поклялся жизнью, что буду всеми силами бороться за спасение каждого своего больного! Пойдем, я напишу тебе другой рецепт!

Как покорного барашка, он потянул меня за собой и вместе с новым рецептом вручил мне ассигнацию в двадцать туманов.

Хм, дела мои пошли неплохо! Присовокупив двадцать туманов к прежним десяти, я уже гораздо бодрее спустился вниз. Как я и думал, доктор Хабиб ждал меня посредине улицы. В руках он держал новый рецепт. Но не успел я еще положить его рецепт в карман, как доктор Махбуб, словно ястреб, налетел на меня. Бросив полный ненависти взгляд на доктора Хабиба, он разорвал его рецепт и сунул мне два новых.

– Ну что еще? – подбоченясь, обратился он к доктору Хабибу.

Тот, недолго думая, мгновенно составил три рецепта. Имея уже некоторый опыт в этом деле, я передал два рецепта доктора Махбуба доктору Хабибу, а сам влял три его новых.

Доктор Махбуб попытался было выхватить у меня рецепты, но доктор Хабиб ударил его по руке. Ответом была пощечина. Она еще звенела в воздухе, когда доктор Хабиб хватил доктора Махбуба кулаком по челюсти. Началась настоящая потасовка.

В этой схватке здорово пострадал и я, когда пытался разнять дерущихся. Из каждых трех ударов два доставались мне!

Наконец подросла полиция. С превеликим трудом нас растащили и доставили в участок, где и завели на каждого солидное дело. (Судебная волокита тянется и по сию пору.)

С того дня в нашем квартале никто не болел. Впрочем, может, и болел, но обращаться к врачу не решался. Все знали, что с самого утра доктор Хабиб из окна своего кабинета следит в оба за доктором Махбубом, а тот в свою очередь не спускает глаз с дверей коллеги.

Злоключения Боруджали

Наш город разделен на семь районов, в каждом – свое муниципальное управление. И председатели их в целях быстрее прохождения дел все вопросы решают самостоятельно.

...Как-то утром Боруджали, бакалейщик первого района, купил по поручению жены у мясника Машади Аббаса пять сиров² мяса, завязал его в клетчатый йездский³ платок и отправился домой. Поскольку он сам уже не первый год держал бакалейную лавку и, стало быть, наловчился на глазок прикидывать вес товара, он сразу же заподозрил, что его надули. Как ни пытался он внушить себе, что его обвесить не могли, что любой, самый жуликоватый лавочник не станет обманывать своего собрата, он не мог отделаться от преследовавшей его мысли. Через каждые несколько шагов он прикидывал вес узелка и каждый раз чувствовал, что семи-восьми мискалей⁴ не хватает.

Наконец, чтобы отогнать это наваждение, успокоиться и убедиться в том, что свой своего околпачивать не будет, он зашел в первую попавшуюся лавку и взвесил мясо. Оказалось, чутье не подвело – восьми-девяти мискалей не хватало.

– Тьфу, пропади ты пропадом! – проворчал Боруджали. – Я же говорю, что руки и глаза мои лучше всяких весов!

И Боруджали твердым шагом направился прямо в муниципальное управление первого района. Поднялся на второй этаж и уже взялся было за ручку, как перед ним вырос рассыльный:

– Тебе кого?

– Господина председателя!

– Зачем?

– Купил пять сиров мяса, на восемь мискалей обвесили.

– Ступай к заместителю.

– В какую комнату?

– В конце коридора, последняя дверь налево.

Боруджали пошел в конец коридора. Там еще один рассыльный – заместителя:

– Господин заместитель этими вопросами не занимается!

– А кто же занимается?

– Председатель главного комитета по борьбе с дороговизной.

– Где его кабинет?

– Третий этаж, по коридору направо!

Боруджали, тяжело дыша, поднялся на третий этаж, нашел нужный кабинет, хотел открыть дверь – снова рассыльный, от которого Боруджали узнал, что ему нужно идти к тамошнему заместителю. Оттуда его направили в отдел по расследованию, а из этого отдела – в следственный отдел.

Здесь Боруджали наконец удалось попасть к начальнику. Тот выслушал его и велел написать заявление. Уплатив пять риалов письмоводителю, сидящему у входа в управление, Боруджали изложил свою жалобу на бумаге и снова пошел к начальнику следственного отдела. Узелок с мясом опечатали, и начальник следственного отдела препроводил Боруджали с узелком и заявлением к своему заместителю. После долгих путешествий по кабинетам заявление попало на стол председателя муниципального управления первого района, который передал его вместе с опечатанным узелком в отдел таксации недвижимого имущества, дабы после определения

² *Сир* — мера веса, равная приблизительно 75 г.

³ *Йезд* — город в центре Ирана, славящийся своими кустарными изделиями.

⁴ *Мискаль* — мера веса, приблизительно 5 г.

точного местонахождения лавки мясника Машади Аббаса и соответствующего ее обследования, приступить к разбору поступившей жалобы.

День уже подходил к концу, и Боруджали отправился домой. Назавтра поутру он снова был в районном управлении муниципалитета. После долгой беготни по кабинетам к одиннадцати часам в отделе таксации недвижимого имущества ему было вручено отношение следующего содержания: «После тщательного расследования и изучения местоположения лавки мясника Машади Аббаса выяснено, что вышеозначенная лавка находится во втором районе города, а посему и расследование жалобы Боруджали надлежит отнести к компетенции второго района».

Через час Боруджали вместе с заявлением, отношением и опечатанным мясом в сопровождении должностного исполнителя был отправлен в муниципальное управление второго района. Здесь снова началось хождение по всем этапам, которые Боруджали уже прошел в первом районе. В час дня с него взяли расписку с обязательством явиться в управление второго района на следующий день к восьми утра.

Усталый и разбитый, Боруджали поплелся домой. На следующее утро задолго до начала рабочего дня он уже сидел у дверей кабинета председателя муниципального управления второго района.

Через час ему объявили результаты обследования отдела таксации недвижимого имущества второго района. Выяснилось, что, поскольку восточная стена лавки мясника Машади Аббаса проходит по границе второго и третьего районов, разбирать его жалобу должно муниципальное управление третьего района.

В десять часов утра Боруджали получил предписание отправиться по месту прохождения жалобы вкуче с заявлением, опечатанным узелком и двумя отношениями. В сопровождение ему откомандировали здорового верзилу – должностного исполнителя.

– Куда ты ведешь меня, браток? – хлопнув верзилу по плечу, поинтересовался Боруджали.

– В третий район.

– Почему это в третий?

– А потому, что жалобу твою должны разбирать в управлении третьего района.

– Прошу тебя, дорогой, отпусти меня! – осознав наконец, в чем дело и куда его ведут, взмолился Боруджали. – Я отказываюсь от своих претензий!

– Ха!.. – хмыкнул должностной исполнитель. – Отказываешься от претензий... Ну и что? Все равно муниципалитет не может пройти мимо таких безобразий! Если попустительствовать этим негодям, они с несчастного народа три шкуры сдерут! Эта вот ваша беспринципность все и портит!

– Ну хоть на первый раз прости меня! Сглупил я, не представлял себе всех последствий! Клянусь твоей жизнью, некогда мне, дела запустил, – продолжал упрашивать Боруджали.

– Нет, и не проси! Шагай быстрее, а не то опоздаем! С государственными делами шутики плохи!

Боруджали замолк и до самых дверей муниципального управления не раскрыл рта.

Должностной исполнитель действовал точно по инструкции: передал Боруджали опечатанный платок с мясом, документы и сопроводительное письмо в канцелярию третьего отделения, получил расписку и ушел. Поскольку рабочий день был уже на исходе, Боруджали предложили за ответом прийти завтра.

На следующий день с самого утра Боруджали явился в управление и через час в сопровождении двух исполнителей, отдела таксации недвижимого имущества третьего района был отправлен к лавке мясника Машади Аббаса, чтобы на месте уточнить ее местоположение. А поскольку истцом выступал он, то в соответствии с параграфами внутреннего устава дорогу туда и обратно на такси надлежало оплачивать ему. Все по закону, ничего не попишешь...

Исполнители изучили положение на месте, и на заявление Боруджали была наложена резолюция следующего содержания: «После проверки и уточнения относящихся к делу данных касательно лавки мясника Машади Аббаса нами установлено, что вышеуказанная лавка территориально расположена в третьем районе, но, если смотреть на нее с крыши соседнего дома, выясняется, что она приходится как раз на продолжение улицы четвертого района, в связи с чем и должна быть отнесена к четвертому району».

Поскольку делу Боруджали в соответствии с циркуляром о борьбе с бюрократией и волокитой был придан молниеносный ход, его сразу же, без всякого промедления, вместе с истцом, платком с мясом и еще одним отношением в сопровождении очередного должностного исполнителя переправили в четвертый район.

...Мясо в платке уже успело протухнуть и источало зловоние. Заявление обросло бесчисленным множеством всяких сопроводительных писем, отношений и докладных записок, так что дело о недовесе превратилось в увесистую папку. Держа в одной руке ее, а в другой платок с протухшим мясом, несчастный Боруджали в сопровождении очередного исполнителя отправился в четвертый район, где его в придачу к документам передали соответствующему председателю.

Естественно, что для получения ответа на свое заявление он должен был явиться в управление на следующее утро.

После осмотра лавки мясника Машади Аббаса двумя исполнителями отдела таксации недвижимого имущества четвертого района выяснилось, что «вышеозначенная лавка получает электроэнергию из пятого района, от электростанции, расположенной на его территории, из чего следует, что разбирательство по делу о заявлении Боруджали входит в компетенцию пятого района».

Когда Боруджали понял, что ему предстоит с вонючим мясом и толстой папкой отправиться в пятый район, а там снова брать за свой счет такси, его терпение лопнуло. Он воздел руки к небу и завопил на весь коридор:

– Клянусь Аллахом, его Пророком и двенадцатью имамами, клянусь всеми святыми, я идиот, болван! Простите меня, господин председатель! Во имя святого имама Али оставьте меня в покое! Я отказываюсь от своей жалобы! Во всеуслышание заявляю, что в этом куске мяса было на целых восемь мискалей больше! Я соврал! Сжальтесь надо мной!

Но было уже поздно. Когда делу дан ход, остановить его никто не в силах. Если даже Боруджали по доброте души своей готов отступить, это еще не повод, чтобы муниципалитет прекратил следствие. Закон есть закон. Это вам не шутки. Разве можно допустить, чтобы государственные дела зависели от настроений какого-то Боруджали и ему подобных?!

Два здоровенных верзилы получили предписание препроводить истца вместе с соответствующими материалами и документами в муниципальное управление пятого района.

Зажав двумя пальцами нос, чтобы не чувствовать вони от протухшего мяса, Боруджали явился по месту назначения. А через два дня, после тщательного обследования местоположения лавки мясника Машади Аббаса, ему объявили, что, хотя вышеуказанная лавка, по всей видимости, действительно относится к пятому району, но, поскольку дом самого Машади Аббаса находится в шестом районе, означенный шестой район и должен разбирать жалобу.

И в соответствии с внутренним уставом муниципалитета Боруджали вместе с опечатанным зловонным узелком и папкой в сопровождении должностного исполнителя был переправлен в шестой район.

Когда Боруджали вошел в кабинет председателя муниципального управления, вся комната мгновенно наполнилась тяжким зловонием.

– Ах ты сукин сын, ах ты нахал! Ты что же это, туалет с кабинетом спутал? Постыдился бы своей седой бороды! – в дикой ярости набросился на Боруджали председатель, у которого от подобной наглости глаза на лоб полезли.

Боруджали остолбенел от неожиданности. Может, господин начальник вчера вечером в карты проигрался или с утра с женой повздорил и теперь в нервном расстройстве? С чего он взбесился?

– Зачем ругаться, ага? Отошлите уж лучше меня в седьмой район без всяких оскорблений, – попросил он, не повышая голоса.

– Еще и дерзит, наглец! Чтоб на могиле твоего отца так воняло!..

Такого оскорбления Боруджали снести не мог. Двадцать дней бессмысленного хождения туда и сюда, бестолковщины и нервотрепки дали себя знать. Вне себя от ярости он в мгновение ока очутился у стола председателя и со всего размаху закатил ему увесистую пощечину и сунул к самому носу опечатанный платок с протухшим мясом. Господин председатель коротко вскрикнул и рухнул головой на стол.

На шум сбежались чиновники, клерки, рассыльные.

Боруджали скрутили руки и, не успел он опомниться, как предстал перед судом по обвинению в оскорблении действием официального лица, находившегося при исполнении служебных обязанностей, и был приговорен к шести месяцам исправительных работ и штрафу в размере тысячи пятисот риалов.

Через полгода, вернувшись из тюрьмы, Боруджали увидел печальную картину. За невзнос квартплаты в срок домохозяин выгнал его жену на улицу, а все имущество конфисковал в счет долга. В лавке пусто. Товар растащили мыши и кредиторы. В полной растерянности опустился Боруджали на колченогий табурет у конторки, сжал руками голову и предался печальным думам. И тут на его плечо опустилась чья-то рука. Подняв взор, он увидел должностного исполнителя из муниципалитета.

– Ты – Боруджали?

– Я. А что?

– Поставь на этом бланке отпечаток пальца под текстом.

– А что там написано?

Исполнитель прочитал повестку: «Боруджали сын Аруджали, бакалейщик первого района! По получении данной повестки вам надлежит в течение двадцати четырех часов явиться в исполнительный комитет муниципалитета седьмого района для дачи разъяснений и показаний относительно жалобы, поданной вами семь месяцев назад по поводу предъявления иска мяснику Машади Аббасу. Председатель исполнительного комитета...»

Боруджали медленно привстал с табуретки и вдруг, оттолкнув ошеломленного исполнителя, одним прыжком выскочил из лавки на мостовую и неистово завопил:

– Виноват! Прошу прощения! Свалял дурака, не знал, не ведал! О люди, честные, порядочные люди! Люди всех наций и вероисповеданий! Самым дорогим, что у вас есть, заклинаю во имя отцов, дедов и прадедов ваших, не пишите ни на кого жалоб, не ищите справедливости в правительственных учреждениях! О люди, призываю вас на помощь! Перед всем миром каюсь! Сделал глупость! Свалял дурака! Больше не буду! И что это я, глупец этакий, болтал, будто в моем мясе не хватает восьми мискалей! Чепуха! Там целых восемь мискалей лишку.

От натужного крика шнурок в гашнике шаровар Боруджали лопнул. Но он и не замечал, что его нагота не прикрыта, и продолжал стенать:

– Свалял дурака! В пяти сирах мяса на восемь мискалей больше! Кто не верит – пусть взвесит! О люди, клянусь Аллахом, никогда больше жаловаться не буду! Даю обет, зарекаюсь!

...Душераздирающие вопли, бессвязная речь и весь вызывающий, бесстыжий вид Боруджали были ужасны. Прохожие шарахались от него в сторону, местные торговцы соболезнующе качали головами. Наконец явились полицейские и поволокли несчастного в сумасшедший дом.

Бедный Боруджали...

Вандал

Года два тому назад, возвращаясь домой, я заметил на нашем переулке группу ребят, сгрудившихся вокруг двухмесячного щенка. Каждый норовил камнем или палкой ударить его. Несчастное, беззащитное животное, съезжившееся у стены, взвизгивало от ударов и, скрючившись, готовилось к получению новых...

Пристыдив детей за жестокость, я подошел ближе, взял собачонку на руки и отнес домой. Мне стало жаль щенка, да и ясно было: не вмешайся я в эту бойню, через какие-нибудь полчаса-час ребята сдали бы его кожу в дубильню, а мясо – мяснику.

Дома я накормил и напоил его. Наевшись, он заснул. Щенок оказался добрым, а с виду таким симпатичным и породистым, что жаль было расставаться с ним. К тому же мне говорили, что все аристократы и вельможи держат дома какую-нибудь живность вроде собак, кошек, оленей, коз, попугаев... Не мешало бы и нам, подумал я, как-то приобщиться к аристократии. Если это правда, что иметь собаку – признак утонченности натуры и хорошего тона, то и мы благодаря нашему псу будем выглядеть солиднее!

В глубине двора я соорудил небольшую конуру, постелил туда наш старый палас, чтобы щенку не жестко было спать. Ведь, что ни говори, теперь, приобщившись к аристократии, нельзя было допустить, чтобы такой породистый пес спал на сырой земле!

Долго я ломал себе голову, как назвать его, чтобы было изысканно и утонченно и в то же время подходило бы его внешности. Всякие там клички – вроде Фандук, Бабри, Лоби – слишком банальны. Жули, Фифи, Ружи, Жижи – слишком европеизированны и звучат пижонски! Такими кличками вроде и неудобно называть такого аристократического пса. Наконец я придумал ему имя – Вандал! Почему я его так назвал, до сих пор не могу понять.

Прошло несколько дней, Вандал вполне освоился, раны у него зажили, и он как бы заново родился. Своей милой, трогательной неуклюжестью он сумел привязать меня к себе. За определенную плату я договорился с соседом-мясником, что он каждый день будет оставлять для Вандала кости, жилы, требуху и прочие отбросы.

Вандал рос как на дрожжах. Трудно сказать, какая из причин тут была главной – то ли кальций, получаемый из костей, то ли его собачья порода, – но через четыре месяца Вандал превратился в настоящего теленка! Можно было подумать, что сукин сын происходил от бизона.

Страшней всего был его зверский аппетит. Кроме сырого мяса и костей, Вандал ничего не жрал. К тому же он стал очень злым и ни с того ни с сего кидался на людей. Стоило в дом войти какому-нибудь знакомому, другу или родственнику, как Вандал бросался на него и, пока не отрывал у бедняги кусок штанины, не успокаивался. А если случайно дверь в переулок оставалась незапертой и Вандал оказывался не на цепи, он мигом выскакивал на улицу – и уж тут любому несдобровать!

Соседи стали возмущаться. Несколько раз меня даже вызывали в полицейский участок. Рассудив, что мне не справиться ни со зверским аппетитом Вандала, ни с его звериным нравом, я решил избавиться от него, чтобы вздохнуть свободно... Но это оказалось не так-то просто!

Несколько раз я засовывал его в мешок и отвозил в отдаленные пригороды Тегерана – то в Кередж, то в Абаали, то в Джаджруд – и там выпускал. Но, вернувшись домой, обнаруживал, что он прибежал раньше меня.

– Дайте, пожалуйста, этому проклятому псу какого-нибудь яда, терьяка или что там сами захотите! – несколько раз обращался я с мольбой в районный отдел муниципалитета. – Житья никакого нет от него!

– Мы не вправе это делать! – отвечали они. – Если хотите, можете сами задушить его.

Я обратился в Общество защиты животных:

– Умоляю вас, приезжайте ко мне и облегчите мою участь! Усыпите, убейте, увезите его с собой! Возьмите сами над ним опеку! Делайте с ним что хотите, только избавьте меня от этой обузы!

– Он должен жить у вас! – ответили мне в Обществе. – И если только с ним что-нибудь случится, мы привлечем вас к ответственности!

...Вандал превратился в настоящего слона махараджи. Я уже не мог ничего поделывать ни с его аппетитом, ни с его нравом! Вдобавок ко всему в начале каждого месяца мясник Аббасага присылал мне счет на сорок с лишним туманов за кости.

Днем Вандал держал в страхе всех соседей, а по ночам из особой любви ко мне лаял не менее часа или бесновался, как только по крыше какого-нибудь соседского дома пробегала кошка или по переулку проходил случайный прохожий. К тому же сукин сын питал ко мне такую привязанность, что даже во сне не мог расстаться со мной. Он уже не спал в отведенной ему конуре, притаскивался ко мне и ложился спать у моих ног на постели. И я, опасаясь его лая во дворе, терпел до утра на одеяле его пятидесятикилограммовую тушу.

Как-то я прочитал в газете, что Общество защиты животных организует конкурс на самую красивую собаку. Все владельцы собак приглашались принять участие в этом конкурсе. Победителю обещана премия в пять тысяч туманов.

Я подумал, что все равно мне не отделаться от этого Вандала, и, хочу я того или нет, он будет сидеть на моей шее! Внешне он ничего. Правда, не совсем породистый, но если судья не придаст этому большого значения, то, чем черт не шутит, вдруг он станет победителем конкурса, а я – владельцем пяти тысяч туманов!

Я не знал, что собаки, участвующие в конкурсе красоты, изящества и благородства, не сжирают ежедневно на десерт по три килограмма говядины с косточкой! Мне казалось, что арбитры ставят очки за внешний вид, рост и свирепость характера.

В назначенный день я купил трос для автомобиля, сложил пополам и одним концом привязал к толстой шее Вандала. Взяв в руки другой конец, я направился к месту проведения конкурса.

Когда мы с Вандалом шли по улице, его уши были на одном уровне с моими плечами. Прохожие в изумлении останавливались и провожали нас восхищенными взглядами. А группа бездельников даже увязалась за нами.

Я хотел было взять такси, но, подумав, что Вандал не пролезет в дверцу, пошел пешком.

...Когда наконец мы вошли в зал, я увидел человек триста мужчин и женщин, старых и молодых, которые сидели на стульях и держали в руках изящные поводки. Одни собаки лежали у ног хозяев, другие – у них на руках.

Какие же это были собаки: беленькие и черненькие, пушистые и гладкошерстные, длинноухие и короткохвостые. Такого обилия собак различных пород я никогда в жизни не видел. Некоторые были такими маленькими, что их можно было уместить на ладони. Весили они менее килограмма.

При виде такой толпы и стольких собак у Вандала раздулись ноздри, вытянулся нос, глаза округлились, уши зашевелились. Он рванулся было в сторону зрителей, но я вовремя обернул трос несколько раз вокруг руки и удержал его. Рывкнув на Вандала, я ударил его ногой в пузо, и он на время затих. Но это было затишье перед бурей! Сукин сын ни на минуту не спускал своих глаз с чужих сучек и кобелей! Как раненый медведь, он ворочался, рычал и хрипел.

На всякий случай я сел так, чтобы вокруг на расстоянии нескольких стульев никого не было, а Вандал разместился у моих ног.

– Настоящий теленок! – послышался шепот с одной стороны.

– Белый медведь! – донеслось с другой.

– Кабан! – услышал я с третьей.

Наконец в зал вошли арбитры, и конкурс начался.

Обученные, породистые собачонки, питающиеся желе, кексами и тортами и спящие на перинах, по одной стали выходить на сцену и показывать судьям свое искусство. Как манекенщицы, они сначала проходили по сцене, жеманно и кокетливо, потом, виляя хвостом, здоровались, подавая лапу, с каждым арбитром. Затем по сигналу хозяев садились или вставали на задние лапки и начинали, кто как мог, кривляться и ломаться. Когда выступление кончалось, судьи измеряли каждой собаке рост, вес и ставили оценку.

Жеманство и кокетство собак возбудило чувство зависти, а может быть, ревности у моего Вандала. Я и то так был заморожен ими, что не мог ни на минуту оторваться от этого зрелища, что же вы хотите от бедного Вандала?!

Примерно после пятого или шестого номера, воспользовавшись тем, что я увлекся и ослабил поводок, Вандал, как бешеный кабан, рванулся вперед. И не успел я опомниться, как он оказался у собачки, демонстрирующей свое умение на сцене. Вцепившись в шею, он повалил ее на землю. Молниеносная атака Вандала вызвала переполох в зале. Напуганные собаки сорвались с цепи и заматались. Женщины и дети кричали и визжали. Но кто бы мог сдержать голодного волка, ворвавшегося в стадо овец? Вандал не жалел ни малых, ни больших, ни белых, ни черных, ни сучек, ни кобелей! Он разрывал им уши, отрывал хвосты!

Я как безумный бегал по залу и кричал: «Вандал! Вандал!.. Остановись!.. Прекрати безобразия!.. Что ты делаешь?.. Вандал!.. Умоляю тебя!.. Пожалей меня!.. Вандал!..»

А Вандал, приняв это за знаки одобрения, все больше свирепел и рвал в клочья милых, очаровательных собачонок.

Одним словом, битый час в закрытом зале конкурса Вандал рвал, драл и трепал. Он распотрошил и изувечил всех несчастных собак! Хорошо еще, что хозяев не тронул!

Сделав свое черное дело, Вандал бросил на меня гордый, победоносный взгляд и успокоился. И только тогда мне удалось снова ухватить конец троса, служившего ему поводком.

Среди всеобщего плача, рева, крика хозяев собак и визга, нытья и скулежа раненых и изодранных псов коллегия арбитров составила акт, по которому меня с Вандалом обвинили в устройстве погрома и срыва соревнований и передали полиции и органам охраны порядка. Но поскольку я не был виновен в случившемся, а Вандала нельзя было запрятать в тюрьму, то было решено ограничиться выплатой хозяевам собак штрафа в размере пяти тысяч туманов за нанесенный ущерб. А так как у меня таких денег не было, мне дали рассрочку с выплатой по двести пятьдесят туманов в месяц.

На сегодняшний день я уплатил уже две тысячи пятьсот туманов, осталось еще столько же! Вандал также сидит на моей шее, а я по-прежнему не знаю, что с ним делать!

Иногда, будучи в плохом настроении, особенно в начале месяца, когда из моей зарплаты вычитают «кредит», я говорю Вандалу: «Хочешь пойти на конкурс самого красивого и благородного пса и выиграть пять тысяч туманов?»

Сукин сын садится на задние лапы, и рот его расплывается в улыбке до ушей... Наглец!

Казенный мусор

Дом, в котором я жил, был расположен в темном узеньком переулке. В нем ютилось четырнадцать-пятнадцать семей. Не знаю, из каких соображений, видимо, еще задолго до моего переезда центр переулка был превращен в огромную помойку, куда каждое утро, как по уговору, соседи ведрами сносили накопившиеся за день мусор и отбросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.